

Научная статья

УДК 34:342.3:004

EDN: <https://elibrary.ru/nfwlyf>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29>

Суверенитет и цифровой суверенитет

Маргарита Роблес-Каррильо

Гранадский университет

г. Гранада, Королевство Испания

Ключевые слова

Безопасность,
государственная власть,
защищенность,
контекст,
концепция,
право,
суверенитет,
функции,
цифровая трансформация,
цифровой суверенитет,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: анализ взаимоотношений между суверенитетом и цифровым суверенитетом и определение того, являются ли они взаимосвязанными или независимыми понятиями, а также в каких случаях и в какой степени прослеживается связь между данными категориями.

Методы: методология основана на анализе международной, европейской и государственной практики и научного дискурса, рассматривающего суверенитет и цифровой суверенитет с трех точек зрения: контекстуальной, концептуальной и функциональной.

Результаты: 1) анализ корреляции между суверенитетом и цифровым суверенитетом показал, что эти понятия взаимосвязаны; 2) определены важные следствия цифрового суверенитета для государств и Евросоюза в целом, а именно: а) между суверенитетом и цифровым суверенитетом существуют значительные отличия, поскольку первый относится только к государствам, тогда как второе понятие используется также по отношению к Евросоюзу; б) цифровой суверенитет не обязательно является следствием или продолжением обычного суверенитета; в) в случае отдельных государств цифровой суверенитет оправдан в качестве гарантии традиционного суверенитета, тогда как в случае Евросоюза его функция должна быть иной, поскольку Евросоюз не обладает суверенитетом.

Научная новизна: анализ данных взаимоотношений дает объективную научную базу для глубокого понимания концепции цифрового суверенитета. С точки зрения контекста, в котором действуют суверенитет и цифровой суверенитет, а также их концепций и функций эти категории представляются независимыми и в некоторых случаях взаимодополняющими.

© Роблес-Каррильо М., 2023

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Практическая значимость: дуальная функциональность цифрового суверенитета как понятия, тесно связанного с государственным суверенитетом, и как независимого понятия помогает объяснить использование этой категории по отношению к отдельным государствам и по отношению к такой организации, как Европейский союз, а также различия в масштабах и значении каждого из этих сценариев.

Для цитирования

Роблес-Каррильо, М. (2023). Суверенитет и цифровой суверенитет. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(3), 673–690. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29>

Содержание

Введение

1. Понятия суверенитета и цифрового суверенитета
2. Контекстуальный подход к определению корреляций между суверенитетом и цифровым суверенитетом
3. Концептуальный подход к определению корреляций между суверенитетом и цифровым суверенитетом
4. Функциональный подход к определению корреляций между суверенитетом и цифровым суверенитетом

Заключение

Список литературы

Введение

По ряду причин правовая и политическая категории суверенитета всегда были противоречивыми понятиями. В последнее время процессы глобализации и технификации бросают серьезный вызов суверенитету. Прежде всего, цифровая сфера оказывается средой, плохо пригодной для реализации суверенитета. В ней не существует границ, и она пересекается с другими физическими областями, размывая эффект географических границ. Хотя прошло уже немало времени после появления цифровой реальности, вопрос суверенитета в ней продолжает оставаться противоречивым. В 2020 г. вышла статья Мюллера «Против суверенитета в киберпространстве» (Muller, 2020), а в 2021 г. – статья К. Дж. Хеллера «В защиту чистого суверенитета в киберпространстве» (Heller, 2021). В ходе этих дискуссий возникло новое понятие: «цифровой суверенитет».

Идея цифрового суверенитета появилась в рамках политических, институциональных и научных дебатов на международном, национальном и общеевропейском уровнях. Несмотря на множество высококачественных научных работ по этому вопросу, до сих пор не достигнуто согласие относительно данной концепции, ее масштаба и значения, сущности и даже ее взаимоотношений с физическим суверенитетом. Действительно, цифровой суверенитет провозглашается как на уровне государств, так и на уровне Евросоюза, который не обладает свойством суверенности.

Цифровой суверенитет представляется не просто онлайн-версией принципа суверенитета (Chander & Sun, 2021; Franzese, 2009). Взаимоотношения между обычным и цифровым суверенитетом еще далеки от устоявшихся. Однако эта проблема требует решения; необходимо установить, являются ли данные понятия эквивалентными, дополняющими друг друга, независимыми друг от друга или это вообще разные понятия. Это станет первым шагом к пониманию концепции цифрового суверенитета.

В настоящей статье анализируются взаимоотношения между обычным и цифровым суверенитетом с трех взаимодополняющих точек зрения: контекстуальной, концептуальной и функциональной. Цель первого, контекстуального, подхода состоит в том, чтобы проанализировать, являются ли понятия обычного и цифрового суверенитетов эквивалентными, дополняющими друг друга, различными или независимыми друг от друга категориями цифровой сферы. Контекст играет значимую роль, потому что именно в нем выполняется принцип суверенитета и рождается идея цифрового суверенитета. С точки зрения второго подхода – концептуального – необходимо определить, существуют ли концептуальные сходства или различия между данными категориями. Цель третьего подхода – функционального – также определить, существуют ли сходства или различия между данными категориями в аспекте их функций и, более точно, почему необходим цифровой суверенитет, если существует обычный, и почему в отсутствие обычного суверенитета используется цифровой. Таким образом, вопрос в том, какую функцию выполняет цифровой суверенитет при наличии обычного и какая функция ему придается при отсутствии обычного суверенитета.

Вопросы цифрового суверенитета ставятся при анализе политических и институциональных разногласий и в научных исследованиях, главным образом в странах Евросоюза, где эти вопросы стали особенно актуальны в последнее время.

1. Понятия суверенитета и цифрового суверенитета

Суверенитет считается важнейшим принципом международного права, на котором основывается архитектура существующего правопорядка. Помимо того, что это важнейший структурный принцип международного права, это также максимальное выражение идентичности государства. Более того, государство и суверенитет – это два неразделимых понятия, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций¹ и в ряде международных норм.

Во многих отношениях цифровой мир стал крупным вызовом принципу суверенитета. Он стал также вызовом государствам, которые испытывают негативное влияние процессов глобализации и приватизации. Более того, в экосистеме, где другие участники получили значительные преимущества, государства сохраняют и усиливают свою идентичность путем укрепления своего суверенитета. Суверенитет является эксклюзивным атрибутом государства и определяется как абсолютная, ограничительная и эксклюзивная власть. Это символ государства.

В данном контексте появление концепции цифрового суверенитета ставит различные новые вопросы. Эта концепция соблюдается различными странами с разнообразными целями и мотивами. Поддерживает ее и Евросоюз. Эта концепция

¹ Устав Организации Объединенных Наций. <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>

провозглашается как Евросоюзом в целом, так и отдельными его членами без каких-либо противоречий и споров относительно ее использования в отношении Евросоюза, в отличие от обычного положения дел с принципом национального суверенитета. Между этими категориями прослеживаются как сходства, так и существенные различия. Значение выражения «цифровой суверенитет» представляется более широким, чем обычно передает сочетание прилагательного и существительного. Для понимания этой концепции необходимо проанализировать ее взаимоотношения с принципом суверенитета.

Проблема суверенитета обычно не оспаривается, но цифровой суверенитет рассматривается как отдельное, оригинальное и значимое понятие. Статус этих двух категорий и взаимоотношения между ними анализируются с контекстуальной, концептуальной и функциональной точек зрения.

2. Контекстуальный подход к определению корреляций между суверенитетом и цифровым суверенитетом

Почти три десятилетия назад, в 1996 г., Джон Перри Барлоу выпустил Декларацию независимости киберпространства, в которой провозглашалось отсутствие суверенитета в данной сфере². С тех пор в политических, институциональных и научных кругах не прекращаются дискуссии о суверенитете в киберпространстве. Однако в международной практике нет свидетельств существенных изменений понятия суверенитета, за исключением того факта, что ряд стран и организаций продвигают управленческие подходы с точки зрения множественных субъектов. По словам Mainwaring, «суверенитет и государственная власть изменены, но не уничтожены» (Mainwaring, 2020).

Задолго до прокламации Барлоу концепция суверенитета не исчезла, но была в большей или меньшей степени пересмотрена государствами. Кроме того, идея цифрового суверенитета стала главной темой политического, институционального и научного дискурсов.

Анализ этих дискурсов позволяет выдвинуть ряд предварительных соображений. Во-первых, цифровой суверенитет – это не просто онлайн-версия обычного суверенитета. Во-вторых, цифровой суверенитет не заменяет и не отменяет эту политико-правовую категорию. В-третьих, он не является ни следствием, ни расширением принципа суверенитета. На самом деле цифровой суверенитет составляет основу специфических правового, политического и научного дискурсов, далеко не всегда и не обязательно связанных с понятием физического суверенитета. Фактически аргументация этих концепций не всегда связана или родственна друг другу.

Следуя нарративу, отличному от нарратива цифрового суверенитета, принцип суверенитета выражается через утверждение себя в киберпространстве несколькими различными способами.

Во-первых, принцип киберсуверенитета утвердился в качестве модели управления, продвигаемой рядом стран и международных организаций, в первую очередь Китаем (Jiangyu & Huaer, 2022), Россией (Budnitsky & Jia, 2018) и Шанхайской

² Barlow, J. P. (1996). *Declaration on the Independence of Cyberspace*. <https://www.eff.org/cyberspace-independence>

организацией сотрудничества, а также в качестве альтернативы модели был поддержан Соединенными Штатами, странами Большой семерки и Евросоюзом³. По замечанию Flonk et al., это конфликт между суверенитаристами и либералами (Flonk et al., 2020).

Во-вторых, принцип суверенитета в отношении инфраструктур, сетей и систем, расположенных на территории государства, принят огромным большинством стран, а также согласован в рамках работы Групп правительственных экспертов и Рабочей группы открытого состава, утвержденных Генеральной Ассамблеей ООН для обсуждения прогресса в сфере ИКТ и международной безопасности (Christakis, 2020).

В-третьих, ряд государств ввели принцип киберсуверенитета при создании своего собственного цифрового пространства с целью обособиться и отделиться от общего цифрового пространства. Так, Китай создал так называемую Цифровую стену (Zeng et al., 2017), а Российская Федерация запустила Яндекс и Рунет (Budnitsky & Jia, 2018).

Фактически за этим процессом последовательного утверждения суверенитета в киберпространстве стоит несколько уровней мотивации (Kaloudis, 2021). Государства провозглашают его разными способами и с разной степенью интенсивности.

Нечто подобное происходит и с цифровым суверенитетом, поскольку не все государства, и даже не большинство из них преследуют одни и те же цели или стремятся достичь их одинаковым способом. Для защиты цифрового суверенитета существуют конкретные основания. Три главные из них определили Chander и Sun: «...во-первых, правительства выступают за цифровой суверенитет в целях защиты своего населения – например, стремясь удалить материалы, считающиеся незаконными в данной стране, или защитить права своих граждан в цифровом пространстве. <...> Во-вторых, правительства выступают за цифровой суверенитет в попытке развить собственную цифровую экономику, иногда вытесняя зарубежные корпорации, от финтеха до социальных сетей. В-третьих, правительства выступают за цифровой суверенитет в стремлении контролировать своих граждан – ограничивая то, что те могут говорить, читать или делать» (Chander & Sun, 2021). Не все страны преследуют одни и те же цели и не все делают это с одинаковой силой и последовательностью.

Более того, в данном контексте нет полного совпадения между теми, кто поддерживает принцип суверенитета в киберпространстве, и теми, кто выступает за цифровой суверенитет. Принцип киберсуверенитета поддерживают главным образом Китай, Российская Федерация и Шанхайская организация сотрудничества, тогда как концепцию цифрового суверенитета в основном продвигает Евросоюз среди стран Европы. При этом в любом случае, когда автократичные страны заявляют о цифровом суверенитете, их мотивация отличается от таковой демократических стран. По мнению Pohle, между ними существует фундаментальное отличие, поскольку «поддержание и усиление цифрового суверенитета в демократических странах является

³ Khawly, N., Arias-Oliva, M., & De Andrés, J. (2021). Technology and Geoeconomics: Emerging Conflicts in the Digital World. In Pelegrín Borondo, J. (coord.). *Moving technology ethics at the forefront of society, organisations and governments*. Universidad Complutense de Madrid and Universidad Rovira i Virgili. <https://repository.ukim.mk/bitstream/20.500.12188/14702/1/Dialnet-MovingTechnologyEthicsAtTheForefrontOfSocietyOrgan-829454.pdf>

эффективным средством сохранения либеральных ценностей и идей порядка в русле цифровой трансформации. Напротив, концепция суверенитета в авторитарных странах служит сохранению государственной власти и использует новые средства для поддержания авторитарных структур, подавляющих потенциальные демократические эффекты в цифровой сфере»⁴. Как отмечает Kaloudis, концепция суверенитета в авторитарных странах «также подкрепляется цифровым суверенитетом с целью обосновать авторитарно мотивированный суверенитет внутри страны и твердую экономическую и регулятивную политику вовне. Примерами таких стран являются Россия и Китай. Они характеризуются наличием цифровой автаркии, технологической изоляции и контроля над своими гражданами» (Kaloudis, 2021). Исследователь Ruohonen отмечает, что цифровой суверенитет давно стал «дубинкой геополитики, когда некоторые страны используют это понятие в своей политической риторике, стремясь оправдать усиление государственного контроля над Интернетом» (Ruohonen, 2021). По словам Crespi et al., цифровой, или технологический, суверенитет «воспринимается как националистическое понятие» (Crespi et al., 2021). Pohle и Thiel считают, что укрепление цифрового суверенитета предполагает «не только активное преодоление зависимости, но и создание инфраструктур для контроля и (возможно) манипулирования» (Pohle & Thiel, 2020). По мнению Fabiano, понятие цифрового суверенитета «имеет междисциплинарные коннотации и может принимать различные значения или описывать несколько аспектов, в зависимости от контекста, в котором о нем говорится» (Fabiano, 2020).

С контекстуальной точки зрения, суверенитет и цифровой суверенитет имеют различные сферы применения и подходы. Кроме того, суверенитет – это общий принцип, обладающий равным объемом и значением повсюду и для всех государств, тогда как цифровой суверенитет может пониматься по-разному. В соответствии с доктриной и практикой, особенно при сравнении демократических и авторитарных стран, различные контексты применения цифрового суверенитета изменяют его функции и содержание данного понятия.

3. Концептуальный подход к определению корреляций между суверенитетом и цифровым суверенитетом

Хотя принцип суверенитета определяется по-разному (Brack et al., 2019), в целом все согласны, что это понятие подразумевает абсолютную, ограничительную и эксклюзивную власть государства. В случае цифрового суверенитета ситуация иная. По словам Prokscha, «из-за повсеместного использования понятия цифрового суверенитета оно часто концептуализируется вне научного сообщества, что приводит к смешению терминологии. В результате понятие цифрового суверенитета ассоциируется с различными чертами, от регулирования данных, сервисов и алгоритмов до контроля над аппаратными устройствами и инфраструктурой, и различается в зависимости от контекста, смысла и назначения... Таким образом, понятие цифрового суверенитета является подвижным, его коннотации и предполагаемые

⁴ Pohle, J. (2020). *Digital sovereignty. A new key concept of digital policy in Germany and Europe*. Konrad Adenauer-Stiftung. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/228713/1/Full-text-report-Pohle-Digital-sovereignty.pdf>

эффекты часто меняются»⁵. Как отмечает Elms, понятие цифрового суверенитета «нечеткое по своей природе» (Elms, 2021). В этом смысле Allen выражал озабоченность тем, что это понятие «используется для прикрытия других политических целей: ряд критиков описывают его как призрак, что бродит по Европе, и Троянского коня протекционизма»⁶.

С концептуальной точки зрения возникают две различные, хотя и взаимосвязанные проблемы: определение цифрового суверенитета и необходимость различения его с аналогичными концепциями, такими как технологический или стратегический суверенитет.

Что касается первого вопроса, цифровой суверенитет определяется как власть, как способность, как простая автономия или с аксиологической точки зрения. Первой позиции придерживаются Chander и Sun, для которых цифровой суверенитет «должен быть определен широко, объединяя суверенную власть государства, регулирующего не только трансграничные потоки данных с помощью ограничивающих технологий Интернета и мандатов на локализацию данных, но также самовыражение и доступ к технологиям» (Chander & Sun, 2021). Эти авторы считают цифровой суверенитет продолжением традиционного. Сторонник второй позиции Posch определяет цифровой суверенитет как «способность человека или общества обладать полным знанием и контролем над тем, куда передаются данные и кто имеет к ним доступ» (Posch, 2015). К третьей группе принадлежат такие авторы, как Crespi et al., которые признают, что понятие суверенитета много раз переформулировалось, но «все больше используется для описания различных форм независимости, автономии и контроля над цифровыми технологиями и содержанием» (Crespi et al., 2021). Наконец в рамках аксиологического подхода термин «цифровой суверенитет» «используется по отношению к упорядоченной, ценностной, регулируемой и безопасной цифровой сфере, отвечающей требованиям индивидуальных прав и свобод, равенства и справедливой экономической конкуренции»⁷. Как можно видеть, лишь одно направление научной литературы, а именно первое из упомянутых, связывает понятие цифрового суверенитета с классическим принципом суверенитета.

Более того, согласно докладу, опубликованному во время председательства Германии в Европейском союзе, цифровой суверенитет «представляет собой не четко определенную концепцию, а скорее политическое видение соответствующего социально-экономического порядка. Оно в основном направлено на сокращение существующих и будущих зависимостей в цифровизированном мире»⁸.

⁵ Prokscha, A. (2021, June). *Digital Sovereignty for the European Union - Analysing Frames and Claims for Digital Sovereignty in the European Union's Digital Strategy*. https://www.researchgate.net/publication/354888060_Digital_Sovereignty_for_the_European_Union_-_Analysing_Frames_and_Claims_for_Digital_Sovereignty_in_the_European_Union%27s_Digital_Strategy

⁶ *European Sovereignty In the Digital Age*. (2021, July 19). https://www.iiea.com/images/uploads/resources/European_Sovereignty_in_the_Digital_Age.pdf

⁷ *European Digital Sovereignty*. Institute of European Democrats. <https://www.iedonline.eu/download/2021/IED-Research-Paper-Innerarity.pdf>

⁸ *Report of German Presidency on Digital Sovereignty*. https://erstelesung.de/wp-content/uploads/2020/10/20-10-14_Germany_EU_Digital-Sovereignty.pdf

Фактически не существует единого или превалирующего определения цифрового суверенитета, нет и консенсуса по поводу самого термина. Наряду с термином «цифровой суверенитет», говорят также о технологическом или стратегическом суверенитете; эти термины часто используются как альтернативные, объединяющие или взаимозаменяющие.

Существует мнение, что их нельзя использовать как синонимы, так как каждый представляет «один из аспектов единой, более широкой концепции цифрового суверенитета»⁹. По словам Pohle и Thiel, понятие цифрового суверенитета «стало гораздо более всеохватывающим, относящимся не только к вопросам коммуникации в Интернете и связи, но и к более широким вопросам цифровой трансформации обществ» (Pohle & Thiel, 2020). Burwell и Propp также признают, что концепция цифрового суверенитета значительно расширилась, «включив в себя сильную инновационную промышленную базу и достаточные меры кибербезопасности»¹⁰. Поддерживая эту идею, Edler et al. определяют технологический суверенитет как «способность государства или федерации государств обеспечить технологии, которые оно считает необходимыми для своего благополучия, конкурентоспособности и дееспособности, а также способность развивать их или получать их из других экономических областей без возникновения односторонней структурной зависимости»¹¹. Напротив, Csernatonì считает, что «цифровой суверенитет по большому счету является лишь очередным вариантом технологического суверенитета от внешних игроков в киберпространстве», основанным на трех неразделимых столпах: вычислительные мощности, контроль над данными и безопасные соединения»¹².

Как показывает практика, различные определения используются в целом как взаимозаменяемые, особенно в Евросоюзе. Однако с точки зрения логики и согласно мнению большинства ученых, цифровой суверенитет должен пониматься как более широкое и общее понятие, а технологический суверенитет – как его компонент, нацеленный на сущностные аспекты; при этом понятие стратегического суверенитета должно передавать конкретный политический аспект цифрового суверенитета как целого.

В настоящее время, как можно видеть, в науке цифровой суверенитет в основном определяется как понятие, отличное от традиционного суверенитета. Однако ни относительно самой концепции, ни относительно терминологии консенсус пока не достигнут. Кроме того, в отличие от принципа суверенитета, не достигнут консенсус и по поводу функций и назначения цифрового суверенитета.

⁹ *Europe's Quest for Digital Sovereignty: GAIA-X as a Case Study*. Istituto Affari Internazionali (IAI), Roma. <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/europes-quest-digital-sovereignty-gaia-x-case-study>

¹⁰ Burwell, F. G., & Propp, K. (2020). *The European Union and the Search for Building "Fortress Europe" or Preparing for a New World?* <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2020/06/The-European-Union-and-the-Search-for-Digital-Sovereignty-Building-Fortress-Europe-or-Preparing-for-a-New-World.pdf>

¹¹ Edler, J., Blind, K., Frietsch, R., Kimpeler, S., Kroll, H., Lerch, Ch., Reiss, T., Roth, F., Schubert, T., Schuler, J., & Walz, R. (2020). *Technology sovereignty from demand to concept*. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research. https://www.isi.fraunhofer.de/content/dam/isi/dokumente/publikationen/technology_sovereignty.pdf

¹² Csernatonì, R. (2021). *The EU's Rise as a Defense Technological Power: From Strategic Autonomy to Technological Sovereignty*. Carnegie Europe Program. <https://carnegieeurope.eu/2021/08/12/eu-s-rise-as-defense-technological-power-from-strategic-autonomy-to-technological-sovereignty-pub-85134>

4. Функциональный подход к определению корреляций между суверенитетом и цифровым суверенитетом

Суверенитет является абсолютным, ограничительным и эксклюзивным принципом, выделяющим верховную власть среди других видов власти. В таком качестве суверенитет – это власть, которая может осуществляться независимо от окружения, физического или виртуального, и ее нет необходимости дополнять цифровой версией или цифровым измерением. Следовательно, необходимо поставить вопросы «как» и «почему» относительно цифрового суверенитета. Действительно, зачем нужен цифровой суверенитет, если уже существует обычный суверенитет? Что добавляет цифровой суверенитет и для чего он нужен, если обычный суверенитет отсутствует? На эти вопросы нет простого ответа. Два различных примера использования цифрового суверенитета при наличии и при отсутствии обычного суверенитета представляют Франция и Евросоюз.

Франция утверждает принцип цифрового суверенитета в качестве базового принципа своей политики как на внутригосударственном, так и на европейском уровне. На первом уровне цифровой суверенитет воспринимается как необходимая предпосылка гарантии государственного суверенитета¹³. В контексте Евросоюза смысл понятия становится совершенно иным, поскольку оно не связано с государственным суверенитетом в истинном и традиционном смыслах, что подтверждают многогранность и функциональность данной категории.

На совместном заседании министров 7 апреля 2016 г. Франция и Германия обосновали необходимость укрепления европейского цифрового суверенитета на основе трех главных принципов:

1. Укрепление способности стран – членов ЕС защищать свои сети и усиливать цифровую устойчивость.
2. Развитие независимой, инновационной, эффективной и диверсифицированной промышленности на общеевропейском уровне, в особенности в областях кибербезопасности и надежности цифровых продуктов.
3. Способность европейцев независимо определять уровень безопасности своих данных, в особенности в контексте переговоров по торговым соглашениям¹⁴.

В октябре 2020 г. Европейский совет постановил, что «для достижения цифрового суверенитета ЕС должен выстроить по-настоящему единый цифровой рынок, укрепить свою способность определять собственные нормы, принимать независимые технологические решения, развивать и применять стратегические цифровые возможности и инфраструктуру. На международном уровне ЕС будет активизировать свои нормативные инструменты и компетенции с целью способствовать выработке глобальных норм и стандартов»¹⁵. В заявлении членов Европейского совета

¹³ Aktoudianakis, A. (2020, December). *Digital sovereignty for growth, rules and cooperation*. European Policy Centre. Konrad Adenauer Stiftung. https://www.epc.eu/content/PDF/2020/Digital_SA_paper_EPC_and_KAS.pdf

¹⁴ *The European digital sovereignty: a common objective for France and Germany*. <https://www.ssi.gouv.fr/en/actualite/the-european-digital-sovereignty-a-common-objective-for-france-and-germany>

¹⁵ *European Council Conclusions*. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/10/22/european-council-conclusions-21-22-october-2021>

от 21 марта 2021 г. была непосредственно выражена «необходимость решительно и открыто усилить цифровой суверенитет Европы, опираясь на ее сильные стороны и сокращая недостатки, а также используя разумные и выверенные меры для сохранения открытых рынков и глобального сотрудничества»¹⁶. Согласно совместному заявлению по политике ЕС в области киберобороны, опубликованному в декабре 2022 г., ЕС должен обеспечить «свой технологический и цифровой суверенитет в киберпространстве. Дееспособность ЕС будет зависеть от его способности осваивать и развивать новейшие технологии кибербезопасности и киберобороны на территории Евросоюза»¹⁷. Как отмечает Christakis, сам факт того, что Евросоюз говорит о суверенитете, «довольно загадочен <...>. В наши дни политики Европы и Евросоюза удивительно много выступают за цифровой или технологический суверенитет» (Christakis, 2020).

Эти примеры показывают, что идея цифрового суверенитета стала частью европейского дискурса, хотя, как хорошо известно, ЕС не обладает признаком суверенитета, который сохраняется за его членами. Очевидный вывод – цифровой суверенитет не зависит от обладания суверенитетом и не влияет на суверенитет государства.

Установлено, что цифровой суверенитет ЕС основывается на трех потребностях: «1. ЕС должен вкладывать средства в создание ценностей путем разработки технологий и важнейшей инфраструктуры. 2. ЕС должен разработать конкретный список долгосрочных руководящих принципов цифровой политики на основе демократических ценностей и прав человека, определить направление и цель существующим правовым нормам и проектам. 3. ЕС должен выработать стратегии, опирающиеся на глобальное сотрудничество, а не пытаться оградить Европу от внешнего мира»¹⁸. Как считают Burwell и Propp, нынешняя сосредоточенность Европы на проблеме цифрового суверенитета «коренится в более общей дискуссии о способности Европы защитить своих граждан от все более враждебного и сложного окружения»¹⁹. По словам Siebert, «разговор о цифровом суверенитете имеет также геополитическое измерение. Зависимость от США и Китая в области цифровых технологий долгое время не воспринималась в Европе как проблема. Однако в период правления Трампа отношения между США и Китаем стали более напряженными, и Европа рискует оказаться между двух огней»²⁰. Цифровой суверенитет стал пониматься как «средство продвижения понятия о лидерстве и стратегической независимости Европы в цифровой об-

¹⁶ Statement of the members of the European Council. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/03/25/statement-of-the-members-of-the-european-council-25-march-2021>

¹⁷ EU Policy on Cyber Defense. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Comm_cyber%20defence.pdf

¹⁸ Obendiek, A. (2021, May 11). *Take back control? Digital sovereignty and a vision for Europe*. Policy Paper. Hertie School. Jacques Delors Center. https://www.delorscentre.eu/fileadmin/2_Research/1_About_our_research/2_Research_centres/6_Jacques_Delors_Centre/Publications/20210511_Policy-Paper_Obendiek_Digital-Sovereignty__1_.pdf

¹⁹ Burwell, F. G., & Propp, K. (2020). *The European Union and the Search for Building "Fortress Europe" or Preparing for a New World?* <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2020/06/The-European-Union-and-the-Search-for-Digital-Sovereignty-Building-Fortress-Europe-or-Preparing-for-a-New-World.pdf>

²⁰ *Digital Sovereignty – The EU in a Contest for Influence and Leadership*. The Green Political Foundation, <https://www.boell.de/en/2021/02/10/digital-sovereignty-eu-contest-influence-and-leadership>

ласти»²¹. Как писали Irion et al., «стремясь к цифровому суверенитету, ЕС использует новую решительную риторику, сопоставляя свой ценностный подход с более рыночно ориентированным подходом США и государственно ориентированной иерархией Китая» (Irion et al., 2021). Аналогичным образом цифровой суверенитет ЕС увязывается с глобальной борьбой за модель цифровизации. Китай, США, Россия и Евросоюз оказались сегодня на поле битвы за различные модели цифровизации, в которой определяются будущие глобальные рынки и законодательные нормы. Речь идет о концепциях защиты частной жизни, прав человека, платформенной экономики и в конечном итоге взаимоотношений рынков, государств и обществ. Кратко говоря, существуют различные толкования европейского цифрового суверенитета, но ни одно из них не связано с традиционным суверенитетом.

Более того, использование термина «цифровой суверенитет» как взаимозаменяемого в государственном и общеевропейском контекстах показывает, во-первых, что существует значительная разница между концепциями суверенитета и цифрового суверенитета. Первый может применяться только к государствам, тогда как второй также используется по отношению к ЕС, следовательно, он не является ограничительной или эксклюзивной категорией. Во-вторых, в той мере, в какой понятие цифрового суверенитета применяется к отдельным государствам, обладающим суверенитетом, и к международной организации, не обладающей таковым, оно не обязано быть ни следствием, ни расширением суверенитета в традиционном смысле. В-третьих, если в случае отдельных государств цифровой суверенитет оправдан в качестве гарантии традиционного суверенитета, то в случае Евросоюза его функция должна быть иной, поскольку Евросоюз не обладает суверенитетом. В этом аспекте, как поясняет Floridi, обсуждение цифрового суверенитета в ЕС идет «не в смысле замены национального суверенитета в современном понимании, который является необходимым, но все более недостаточным. Оно касается дополнения этого суверенитета наднациональным, современным цифровым суверенитетом» (Floridi, 2020). В работе Roberts et al. отмечено, что это обсуждение является «сигналом о намерениях и отражением актуальной политической повестки внутри ЕС. Цифровой суверенитет рассматривается как основа для укрепления роли Евросоюза во взаимосвязанном мире, продвижения его насущных интересов, защиты фундаментальных ценностей, на которых он был основан, а именно человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, главенства закона и соблюдения прав человека» (Roberts et al., 2021).

Заключение

Отношения между суверенитетом и цифровым суверенитетом непросты. С контекстуальной точки зрения это независимые категории. В цифровом контексте нет совпадения между государствами, которые поддерживают принцип суверенитета в киберпространстве, и теми, кто выступает за цифровой суверенитет. Более того, когда первые заявляют о цифровом суверенитете, их мотивация и содержание данного понятия отличаются. Если суверенитет – это общий принцип, обладающий

²¹ Towards a more resilient EU. Digital sovereignty for Europe. *EPRS Ideas Paper*. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf)

равным объемом и значением повсюду и для всех государств, то цифровой суверенитет понимается по-разному в разных странах и ситуациях. Различные контексты применения цифрового суверенитета изменяют его функции и содержание.

С концептуальной точки зрения цифровой суверенитет определяется как власть, как способность, как автономия, а также он может идентифицироваться с аксиологической точки зрения. Хотя консенсус в отношении этой концепции еще не достигнут, в большинстве случаев определение цифрового суверенитета не связано с принципом суверенитета.

С функциональной точки зрения в отличие от принципа суверенитета не достигнут консенсус по поводу функций и назначения цифрового суверенитета. Однако стремление к достижению цифрового суверенитета как отдельных государств, так и Евросоюза в целом имело ряд важных последствий.

Во-первых, существует значительная разница между концепциями суверенитета и цифрового суверенитета, поскольку первый может применяться только к государствам, тогда как второй также используется по отношению к ЕС.

Во-вторых, в той мере, в какой понятие цифрового суверенитета применяется к отдельным государствам, обладающим суверенитетом, и к международной организации, не обладающей таковым, оно не обязано быть ни следствием, ни расширением суверенитета в традиционном смысле.

В-третьих, если в случае отдельных государств цифровой суверенитет оправдан в качестве гарантии традиционного суверенитета, то в случае Евросоюза его функция должна быть иной, поскольку Евросоюз не обладает суверенитетом. Существуют различные толкования европейского цифрового суверенитета, но ни одно из них не связано с традиционным суверенитетом. Следовательно, функции, приписываемые суверенитету и цифровому суверенитету, различны, а функции цифрового суверенитета также несколько различаются в случае отдельных государств и Евросоюза в целом.

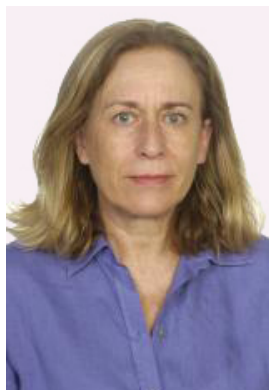
Категория цифрового суверенитета возникла и развивалась как дополняющая по отношению к национальному суверенитету отдельных государств и как независимая категория по отношению к ЕС. Таким образом, она является следствием или расширением принципа суверенитета только в отношении государств, но не в общем смысле. В любом случае цифровой суверенитет – это не просто онлайн-версия традиционного суверенитета, он не заменяет и не отменяет принцип суверенитета. Цифровой суверенитет имеет ряд отличий от физического суверенитета с контекстуальной, концептуальной и функциональной точек зрения, и его следует рассматривать как независимую категорию знаний.

Список литературы

- Brack, N., Coman, R., & Crespy, A. (2019). Unpacking old and new conflicts of sovereignty in the European polity. *Journal of European Integration*, 41(7), 817–832. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1665657>
- Budnitsky, S., & Jia, L. (2018). Branding Internet sovereignty: Digital media and the Chinese–Russian cyberalliance. *European Journal of Cultural Studies*, 21(5), 594–613. <https://doi.org/10.1177/1367549417751151>
- Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., & Salvatori, Ch. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*, 56(6), 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Chander, A., & Sun, H. (2021). *Sovereignty 2.0*. Georgetown University Law Center. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3904949>

- Christakis, T. (2020). "European Digital Sovereignty": Successfully Navigating Between the Brussels Effect and Europe's Quest for Strategic Autonomy. *Studies of Digital Governance*. Data institute. Université Grenoble Alpes. <https://ai-regulation.com/european-digital-sovereignty-successfully-navigating-between-the-brussels-effect-and-europes-quest-for-strategic-autonomy/>
- Elms, D. (2021). *Digital Sovereignty: protectionism or autonomy*. Hinrich foundation, Asian Trade Centre.
- Fabiano, N. (2020). Digital Sovereignty Between "Accountability" and the Value of Personal Data. *Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal*, 5(3), 270–274. <https://doi.org/10.25046/aj050335>
- Flonk, D., Jachtenfuchs, M., & Obendiek, A. (2020). Authority conflicts in internet governance: Liberals vs. sovereigntists? *Global Constitutionalism*, 9(2), 364–386. <https://doi.org/10.1017/S2045381720000167>
- Floridi, L. (2020). The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, especially for the EU. *Philosophy & Technology*, 33, 369–378. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00423-6>
- Franzese, P. W. (2009). Sovereignty in Cyberspace: Can it exist? *The Air Force Law Review*; Maxwell AFB, 64, 1–42. <https://www.proquest.com/docview/195182873>
- Heller, K. J. (2021). In Defense of Pure Sovereignty in Cyberspace. *International Law Studies*, 97, 1432–1499. <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2987&context=ils>
- Irion, K., Burri, M., Kolk, A., & Milan, S. (2021). Governing "European values" inside data flows: interdisciplinary perspectives. *Internet Policy Review*, 10(3). <https://doi.org/10.14763/2021.3.1582>
- Jiangyu, W., & Huaer, Che. (2022). China's Approach to International Law: From Traditional Westphalianism to Aggressive Instrumentalism in the Xi Jinping Era. *The Chinese Journal of Comparative Law*, 10(1), 140–153. <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxac020>
- Kaloudis, M. (2021). Digital sovereignty – European Union's action plan needs a common understanding to succeed. *History Compass*, 8. <https://doi.org/10.1111/hic3.12698>
- Mainwaring, S. (2020). Always in control? Sovereign states in cyberspace. *European Journal of International Security*, 5(2), 215–232. <https://doi.org/10.1017/eis.2020.4>
- Mueller, M. L. (2020). Against Sovereignty in Cyberspace. *International Studies Review*, 22(4), 779–801. <https://doi.org/10.1093/isr/viz044>
- Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
- Posch, R. (2015). Digital Sovereignty and IT-Security for a Prosperous Society. En Werthner, H. y Van Harmelen, F. *Informatics in the Future. Proceedings of the 11th European Computer Science Summit (ECSS 2015)*. Vienna. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55735-9_7
- Roberts, H., Cows, J., Casolari, F., Morley, J., Taddeo, M., & Floridi, L. (2021). Safeguarding European values with digital sovereignty: an analysis of statements and policies. *Internet Policy Review*, 10(3). <https://doi.org/10.14763/2021.3.1575>
- Ruohonen, J. (2021). The Treachery of Images in the Digital Sovereignty Debate. *Minds and Machines*, 31, 439–456. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2012.02724>
- Zeng, J., Stevens, T., & Chen, Y. (2017). China's solution to global cyber governance: Unpacking the domestic discourse of "Internet sovereignty". *Politics & Policy*, 45(3), 432–464. <https://doi.org/10.1111/polp.12202>

Сведения об авторе

Маргарита Роблес-Каррильо – доктор наук, профессор международного и европейского права, Группа сетевых технологий и безопасности, Гранадский университет

Адрес: Королевство Испания, г. Гранада, Университетская площадь, 1, CP:18071

E-mail: mrobles@ugr.es

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-4665>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57203316304>

Web of Science Researcher ID:

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/ADD-1696-2022>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.ru/citations?user=PSUjIYgAAAAJ>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке Министерства экономики и конкурентоспособности Правительства Испании в рамках проекта TIN2017-83494-R Европейского фонда регионального развития.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.15.41 / Государственный суверенитет

Специальность ВАК: 5.1.2 / Публично-правовые (государственно-правовые) науки

История статьи

Дата поступления – 2 февраля 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 30 апреля 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 15 августа 2023 г.

Дата онлайн-размещения – 20 августа 2023 г.

Research article

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29>

Sovereignty vs. Digital Sovereignty

Margarita Robles-Carrillo

University of Granada
Granada, Spain

Keywords

Concept,
context,
digital sovereignty,
digital technologies,
digital transformation,
functions,
law,
safety,
security,
sovereignty,
state power

Abstract

Objective: the aim of this paper is to analyze the relationship between sovereignty and digital sovereignty in order to determine whether they are linked or autonomous concepts and in which cases and to what extent there is or is not a connection between the two categories.

Methods: the methodology is based on the analysis of international, European and national practice and scientific discourse, taking into account sovereignty and digital sovereignty from a threefold perspective: contextual, conceptual and functional.

Results: 1) analysis of the correlation between sovereignty and digital sovereignty showed that both are related concepts; 2) important consequences that digital sovereignty has in the case of States and the European Union are defined: a) there is a substantial difference between sovereignty and digital sovereignty because the former is only applied to States, while the latter is also used in reference to the EU; b) digital sovereignty is not necessarily a consequence or an extension of sovereignty; c) while in the case of States, digital sovereignty is justified as a safeguard of traditional sovereignty, in case of European Union its function must necessarily be different, since the European Union lacks sovereignty.

Scientific novelty: the analysis of this relationship provides an objective scientific premise for a comprehensive understanding of the idea of digital sovereignty. From the perspective of the context where they operate, as well as their concept and functions, sovereignty and digital sovereignty seem to be autonomous and, in some cases, complementary categories.

© Robles-Carrillo M., 2023

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Practical significance: the dual functionality of digital sovereignty as a concept attached to national sovereignty and as an autonomous concept helps to explain the use of this category in the case of states and in the case of an organization such as the European Union, as well as the differences in its scope and meaning in each scenario.

For citation

Robles-Carrillo, M. (2023). Sovereignty vs. Digital Sovereignty. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(3), 673–690. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29>

References

- Brack, N., Coman, R., & Crespy, A. (2019). Unpacking old and new conflicts of sovereignty in the European polity. *Journal of European Integration*, 41(7), 817–832. <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1665657>
- Budnitsky, S., & Jia, L. (2018). Branding Internet sovereignty: Digital media and the Chinese–Russian cyberalliance. *European Journal of Cultural Studies*, 21(5), 594–613. <https://doi.org/10.1177/1367549417751151>
- Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., & Salvatori, Ch. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*, 56(6), 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Chander, A., & Sun, H. (2021). *Sovereignty 2.0*. Georgetown University Law Center. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3904949>
- Christakis, T. (2020). “European Digital Sovereignty”: Successfully Navigating Between the Brussels Effect and Europe’s Quest for Strategic Autonomy. *Studies of Digital Governance*. Data institute. Université Grenoble Alpes. <https://ai-regulation.com/european-digital-sovereignty-successfully-navigating-between-the-brussels-effect-and-europes-quest-for-strategic-autonomy/>
- Elms, D. (2021). *Digital Sovereignty: protectionism or autonomy*. Hinrich foundation, Asian Trade Centre.
- Fabiano, N. (2020). Digital Sovereignty Between “Accountability” and the Value of Personal Data. *Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal*, 5(3), 270–274. <https://doi.org/10.25046/aj050335>
- Flonk, D., Jachtenfuchs, M., & Obendiek, A. (2020). Authority conflicts in internet governance: Liberals vs. sovereignists? *Global Constitutionalism*, 9(2), 364–386. <https://doi.org/10.1017/S2045381720000167>
- Floridi, L. (2020). The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, especially for the EU. *Philosophy & Technology*, 33, 369–378. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00423-6>
- Franzese, P. W. (2009). Sovereignty in Cyberspace: Can it exist? *The Air Force Law Review; Maxwell AFB*, 64, 1–42. <https://www.proquest.com/docview/195182873>
- Heller, K. J. (2021). In Defense of Pure Sovereignty in Cyberspace. *International Law Studies*, 97, 1432–1499. <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2987&context=ils>
- Irion, K., Burri, M., Kolk, A., & Milan, S. (2021). Governing “European values” inside data flows: interdisciplinary perspectives. *Internet Policy Review*, 10(3). <https://doi.org/10.14763/2021.3.1582>
- Jiangyu, W., & Huaer, Che. (2022). China’s Approach to International Law: From Traditional Westphalianism to Aggressive Instrumentalism in the Xi Jinping Era. *The Chinese Journal of Comparative Law*, 10(1), 140–153. <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxac020>
- Kaloudis, M. (2021). Digital sovereignty – European Union’s action plan needs a common understanding to succeed. *History Compass*, 8. <https://doi.org/10.1111/hic3.12698>
- Mainwaring, S. (2020). Always in control? Sovereign states in cyberspace. *European Journal of International Security*, 5(2), 215–232. <https://doi.org/10.1017/eis.2020.4>
- Mueller, M. L. (2020). Against Sovereignty in Cyberspace. *International Studies Review*, 22(4), 779–801. <https://doi.org/10.1093/isr/viz044>
- Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>

- Posch, R. (2015). Digital Sovereignty and IT-Security for a Prosperous Society. En Werthner, H. y Van Harmelen, F. *Informatics in the Future. Proceedings of the 11th European Computer Science Summit (ECSS 2015)*. Vienna. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55735-9_7
- Roberts, H., Cowls, J., Casolari, F., Morley, J., Taddeo, M., & Floridi, L. (2021). Safeguarding European values with digital sovereignty: an analysis of statements and policies. *Internet Policy Review*, 10(3). <https://doi.org/10.14763/2021.3.1575>
- Ruohonen, J. (2021). The Treachery of Images in the Digital Sovereignty Debate. *Minds and Machines*, 31, 439–456. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2012.02724>
- Zeng, J., Stevens, T., & Chen, Y. (2017). China's solution to global cyber governance: Unpacking the domestic discourse of "Internet sovereignty". *Politics & Policy*, 45(3), 432–464. <https://doi.org/10.1111/polp.12202>

Author information

Margarita Robles-Carrillo – PhD, Full Professor of International Law and European Law, Network Engineering & Security Group, University of Granada

Address: Plaza de la Universidad, 1, CP:18071, Granada, Spain

E-mail: mrobles@ugr.es

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-4665>

Scopus Author ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57203316304>

Web of Science Researcher ID:

<https://www.webofscience.com/wos/author/record/ADD-1696-2022>

Google Scholar ID: <https://scholar.google.ru/citations?user=PSUjIYgAAAAJ>

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

This work is supported by the Spanish Government-MINECO (Ministerio de Economía y Competitividad), using the Fondo Europeo de Desarrollo Regional (FEDER), under Project TIN2017-83494-R.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

ASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – February 2, 2023

Date of approval – April 30, 2023

Date of acceptance – August 15, 2023

Date of online placement – August 20, 2023